

Гумилевские инварианты

Александров Н.Н.

Начну традиционно: Лев Николаевич Гумилев – сын двух великих русских поэтов Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Это само по себе уникальное сочетание – когда у двух великих поэтов рождается великий будущий ученый – в истории культуры вряд ли имеет аналоги.

Долго не печатавшиеся работы Гумилева по *этногенезу* вернули идею циклов и динамическую концепцию времени в центр интересов современной философии истории. После его книг данные идеи приобретают новую геополитическую окраску, хотя он вроде бы нигде не упоминает о геополитике, запрещенной в советское время. Для нас особенно ценны инварианты, заново введенные Л.Н. Гумилевым в научный обиход и носящие, с нашей точки зрения, *системогенетический характер*. Можно сказать с глубоким убеждением: книги его изданы, да, но почти не прочтены так же, как и книги О. Шпенглера и Д. Вико. Их нет в научном обиходе в том виде, на который авторы вправе рассчитывать, – в методологическом. И знают о них сегодня только ту редукцию, тот «сухой остаток», который попал в школьные и вузовские учебники.

Пересказывать блистательные методологические ходы Л.Н. Гумилева смысла нет – его тексты надо читать, и читать многократно. Выделить здесь мы сможем весьма немного из самого существенного. Это самое существенное, с нашей точки зрения, можно попытаться свести к трем ключевым положениям.

Системой, которую исследует Гумилев, является этнос (точнее «антропосфера, состоящая из этносов, возникающих и исчезающих в историческом времени»). Надсистемой – биосфера Земли, частью которой и является антропосфера.

У Гумилева применены две взаимосвязанных идеи-инварианта:

- идея импульса (зарядки этноса энергией и ее иссякания в цикле жизни),
- идея пассионарности (перехода доминирования от одного этноса к другому путем "зарядки" следующего доминирующего этноса пассионарной энергией биосферы).

Объединяющая их идея – идея надсистемного источника энергии – биосферы Земли. Саму гипотезу, что биосфера может воздействовать на жизненные процессы как фактор планетарного масштаба, выдвинул в 1926 году В.И. Вернадский, а Л.Н. Гумилев долго переписывался с его учеником П.Н. Савицким. Оригинальность Гумилева в том, что в его учении связались два ряда явлений – природный с историческим (имеются в виду история этносов). «История... двуликий Янус, гуманитарна там, где предметом изучения является творение рук человеческих, т.е. ... записи фольклора, философские системы, ... картины, короче говоря – источники, которые по сути своей статичны... Но человек не только член общества, но и этноса....Он сопричастен биосфере... он оставляет свой след путем свершения событий, которые составляют скелет этнической истории – функции этногенеза. В этом аспекте история – наука естественная...». И если для А.Л. Чижевского подобная связь природного и искусственного носила космический характер, то Гумилев вроде бы всегда остается в пределах планеты. На платформе системогенетики нетрудно объединить их гипотезы в одну, что мы и делаем.

По теории Л.Н. Гумилева, этнос как бы «заряжается» биосферной энергией, после чего в процессе этногенеза происходит постепенное затухание первоначально полученного импульса. Жизненный цикл этноса в истории является всякий раз *иссякающим Импульсом* – и это первый инвариант Гумилева, *инвариант импульса*. Он многократно повторен в его исследованиях этносов и траектория этноса детально конкретизирована в каждом отдельном случае. Как пишет об этом критик Гумилева А. Янов: «В самом деле, кто и когда объяснил, почему, скажем, дикие и малочисленные кочевники-монголы

вдруг ворвались на историческую сцену в XIII веке и ринулись покорять мир, громя по пути богатейшие и культурные цивилизации Китая, Средней Азии, Ближнего Востока и Киевской Руси, – только затем, чтобы несколько столетий спустя тихо сойти с этой сцены, словно их никогда там и не было? А другие кочевники – столь же внезапно возникшие из Аравийской пустыни и на протяжении столетия ставшие владыками полумира, вершителями судеб одной из самых процветающих цивилизаций в истории? Разве не кончилось их фантастическое возвышение таким же, как монгольское, превращением в статистов этой истории? А гунны, появившиеся ниоткуда и рассеявшиеся в никуда? А вечная загадка величия и падения Древнего Рима?».

Фазы этногенетического цикла

Л.Н. Гумилев использовал платформу органицизма, а в ее рамках понятие о цикле жизни является основополагающим. Что касается количества фаз, выбор здесь большой – можно выбрать четные или нечетные ряды, и варианты в них. Органические фазовые модели все нечетные: 1, 3, 5, 7, 9 и т.д. Поэтому мы считаем, что Гумилев на самом деле применяет или удвоенную трехфазовую схему (как и О. Шпенглер), или же пятифазовую схему, где одна из «фаз» на самом деле находится за пределами цикла жизни.

Традиционно же считается, что он использовал *разбивку цикла жизни организма на шесть фаз*: «толчок – подъем – перегрев – упадок – затухание». Этносы становятся («консолидация системы»), впадают в подростковое буйство («фаза энергетического перегрева»), взрослеют и стареют («фаза надлома»), а потом ослабевают («инерционная фаза») и испускают дух (или вступают в «фазу обскурации»). Все это вместе и есть цикл этноса.

Воспользуемся для описания этих фаз готовым текстом (СОЦИАЛЬНОЕ И ПРИРОДНОЕ В ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА Л.Н. ГУМИЛЕВА <http://politreg.pu.ru/ru/publikacii/18.html?task=view>).

«Этнос, возникнув, проходит ряд закономерных фаз развития, характеризующихся определенным уровнем пассионарного напряжения и соответствующим ему стереотипом поведения.

Первая фаза – фаза пассионарного подъема этноса. В ней выделяются два периода: скрытый или инкубационный (от момента пассионарного толчка до появления этноса как новой системы) и явный, связанный с политическим оформлением нового этноса и усложнением его структуры (увеличение числа субэтносов и конвексий). Стереотип поведения: «Будь тем, кем ты должен быть», как способ утверждения прав нового этноса среди соседей.

Наибольший подъем пассионарности – акматическая фаза, в течение которой пассионарные перегревы сменяются временными спадами. Люди перестают работать на общее дело и начинают бороться каждый сам за себя. Императив поведения: «Будь самим собой!». Избыток пассионариев выплескивается за пределы ареала этноса или аннигилируется внутри него. Обычно эта фаза сопровождается внутренним соперничеством и резней.

Следующая фаза этногенеза – фаза надлома, характеризующаяся резким снижением пассионарного напряжения и увеличением доли субпассионариев. Императив: «Мы устали от великих». Надлом сопровождается огромным рассеиванием энергии, кристаллизующейся в памятниках культуры и искусства. Однако внешний расцвет культуры вызван спадом пассионарности, а не ее подъемом. Это самая болезненная фаза, начинающаяся на заключительном участке демографического взрыва и заканчивающаяся демографическим спадом.

Наступает инерционная фаза, во время которой плавное снижение пассионарного напряжения приводит к стабилизации этноса после надлома. Это период расцвета цивилизации, наступает эпоха накопления культурных ценностей, ранее часто уничтожаемых в огне «горячих фаз». Стереотип поведения в этой фазе: «Будь таким как я».

Снижение уровня пассионарного напряжения ниже уровня, свойственного гомеостазу (устойчивому состоянию этнической системы) характеризует следующую фазу – фазу обскурации. При этом размываются системные связи, удерживаемые энергией пассионариев, этнос упрощается, заметную роль начинают играть субпассионарии. Их стереотип поведения: «Будь таким, как мы» – становится стереотипом этноса в целом. Этнос теряет устойчивость, способность к самозащите почти равна нулю, и, поэтому, не каждому этносу дано эту фазу пережить.

Уцелевший в обскурации этнос вступает в последнюю фазу этногенеза – мемориальную, когда сохраняется лишь память об исторической традиции, а затем приходит время равновесия с природой (гомеостаз). В изолированном состоянии он может существовать сколь угодно долго, демонстрируя богатую историю и памятники культуры. Поскольку в этот период доминируют гармоничные особи, этнос находится в адаптивном равновесии со своим ландшафтом, но творчески он погас. Стереотип поведения: «Будь самим собой доволен». Это состояние бесконечно существующего маленького народа сформулировал для троллей Ибсен в «Пер Гюнте»: «Будь собой доволен, тролль!» (конец цитаты).

Подобная схема из шести циклов использовалась не только О. Шпенглером, но и многими другими циклистами, например, Дж. Вико. Это свидетельствует о достаточной полноте и оптимальности принятого циклического деления, о чем в структурном плане говорит Э.М. Сороко (Концепция уровней, отношение, структура. – Минск: Наука и техника, 1978).

Расширенный инвариант импульса

Понятие импульса не применялось Л.Н. Гумилевым к истории в ее традиционном понимании. Он почти всегда отказывался говорить о сферах, не связанных с этногенезом, особенно о «социальной форме движения материи».

Его можно понять, если учесть, чьим он был сыном и как сложилась его собственная судьба. Тем не менее, его взгляды можно реконструировать по косвенной критике, которую он как человек азартный адресовал историкам концепций «локальных цивилизации», типа А. Тойнби, *как бы попутно* и не без сарказма. В этой попутности – больше фундаментальности, чем у всех критиков А. Тойнби, вместе взятых. По Гумилеву, Тойнби лишь «компрометирует плодотворный научный замысел слабой аргументацией и неудачным его применением»

Хотел того автор или нет, шаг по *перенесению инварианта импульса на историю социума* уже сделан в науке во многом благодаря ему, и это – свершившийся факт. Сценарий с расширением понятий-инвариантов не раз повторялся, например с понятием «остраненности» у В.Б. Шкловского или с ТРИЗом Г.С. Альтшуллера (была предпринята попытка перенесения его теории решения *изобретательских задач* на науку, против чего автор в свое время восстал). Не всегда подобный перенос правомерен, но если перед нами, действительно, **структурный инвариант**, то такие попытки расширения не заставляют себя ждать. Мы считаем, что Л.Н. Гумилев применил «инвариант импульса», который существовал в качестве идеи в науке и до него, к этногенезу, но с тем же успехом он может быть применен и ко всем составляющим социальной истории. Несомненная заслуга Л.Н. Гумилева состоит в последовательности его проведения во всех его книгах – только при наличии столь фундаментального и обширного исторического анализа материала и постоянства в применении этого инварианта он утвердился и приобрел достаточный авторитет в науке. Л.Н. Гумилев проделал сложный путь от идеи импульса до всесторонней проверки своей идеи на массиве истории этносов, чего пока никто другой не сделал ни на каком другом материале.

Мы называем инвариант импульса первым инвариантом Гумилева, выводя его за рамки исследования этносов в широкое поле системогенетических

инвариантов. Он хорошо отличим от "призывов и ответов" А. Тойнби, и различие это сделал Л.Н. Гумилев. *Импульс Гумилева* связан с жизнью этноса, рождается и умирает с ним как с носителем, но главное состоит в той исторической последовательности, с которой происходит перемещение пассионарности, оно-то и образует историю. "Пинки или ответы" А. Тойнби происходят без всякой видимой последовательности, а очень часто причины их проявления просто не выдерживают критики. По крайней мере, отмечал Л.Н. Гумилев, их логику обнаружить не удастся, отчего история у А. Тойнби и разваливается на части (или на «отдельные реки»).

Как-то на одной из публичных лекций Лев Николаевич сказал, что если его имя останется в науке, то, прежде всего, благодаря тому, что он открыл побудительную причину этногенетических процессов – явление пассионарности. Поэтому второй инвариант Л.Н. Гумилева – это инвариант *пассионарности*, который можно трактовать и как наделение доминирующего этноса энергией, и как *переход доминирования от одной системы к другой*. Это уже само по себе подразумевает *наличие надсистемы*, откуда приходит импульс. Он находит у В.И. Вернадского обоснование существования источника энергии: его основной труд недаром называется "Этногенез и биосфера Земли", роль биосферы в этих процессах – надсистемная и управляющая.

«Человеческий разум не является формулой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие» (курсив Л.Н. Гумилева). Именно в данной фразе В.И. Вернадского, как следует из текста Л.Н. Гумилева, он нашел идею биосферного импульса, что позволило ему разделить *мироощущение* и *мировоззрение* (шире говоря, – природно-естественные и искусственные влияния). Духовная культура, говорит он, связана с биосферой, частью которой являемся мы сами. «Вакуум выступает как ограничитель энергетических импульсов живого вещества, именно он является препятствием для совершенствования, и не кто иной, как он, вносит в биосферу Земли искажения,

нанося ей удары за счет смещения направления импульсов, поступивших от нее же». И далее от этого понимания он движется к противоречию жизни с законом сохранения энергии, отмеченному у В.И. Вернадского (стоит напомнить, что аналогичная мысль фигурирует и у Л.А. Чижевского). Идея вакуума как экрана и порождения импульсов за счет системы «вакуум-биосфера» сейчас как гипотеза принята повсеместно. Остается непроясненным принципиальный *вопрос о механизме и общей логике перехода доминирования*. У Л.Н. Гумилева прямого ответа нет, а гипотеза экрана-вакуума объясняет только естественную природу этого явления, но не логику разворачивания систем. Впрочем, это – вопрос не к естествоиспытателям: он скорее философский и общесистемно-генетический. Поэтому мы обращаем этот вопрос к себе.

Невзирая на колебания по этому поводу самого Л.Н. Гумилева, его почти поэтическое понятие «пассионарности» в научном мире повсеместно трактуется расширительно, на глазах становясь общенаучным понятием-инвариантом. Повторим, и импульс, и пассионарность – части одного и того же системогенетического механизма, и в методологическом смысле Л.Н. Гумилев не собирался претендовать на первенство, вводя понятие «пассионарности». Но очень часто *хорошо названное* живет в науке дольше, чем *хорошо определенное*.

Лев Гумилев и геополитика

Когда восстала из пепла геополитика, обнаружилось, что Л.Н. Гумилев – друг и в чем-то главным ученик П.Н. Савицкого (ученика В.И. Вернадского), с которым он познакомился и подружился благодаря многолетней переписке.

Работая в Эрмитаже, Гумилев познакомился с историком из ЛГУ профессором М.А. Гуковским, который тоже сидел в лагерях. В Мордовском лагере ему довелось встретиться и подружиться с одним из основателей евразийства – Петром Николаевичем Савицким. Матвей Александрович дал Л. Гумилеву адрес П. Савицкого в Праге. "Десять лет мы переписывались,-

рассказывает Л. Гумилев, – а когда я приехал в Прагу на археологический конгресс в 1966 году, он встретил меня на вокзале. Мы несколько раз встречались, долго гуляли, он рассказывал о пережитом..."

Поэтому, при всей своей общеизвестной осторожности, Гумилев говорил: «Меня называют евразийцем – и я не отказываюсь... С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен». Причем, для постороннего глаза довольно парадоксально увязывалась в нем близость к евразийцам с декларируемой верностью марксизму.

Но вернемся к геополитике. Гумилев в своей теории этногенеза продолжил линию «органицизма», а во многом и «географического детерминизма», которые составляют сущность геополитики в ее первоначальном классическом варианте – прежде всего, у Ф. Ратцеля. Но, в отличие от множества своих западных коллег, он старается придерживаться естественнонаучного подхода и настолько дистанцируется от трактовок политической истории, насколько это позволяет теория этносов. И все же, как раз исследования Гумилева по древним периодам степи, кочевых народов и их цивилизаций открыли новую страницу в политической истории, в которой Евразия выступает как самостоятельное явление, ни в чем не уступающее Западу. Это резко увеличивает научный вес евразийства. Его научный и гражданский подвиг пока еще никем реально не оценен, но всему – свой срок.

Л.Н. Гумилев развивает и доводит до логического предела евразийскую идею Савицкого о том, что великорусская цивилизация сложилась на основе тюркско-славянского этногенеза, который реализовался в географическом плане как исторический альянс Леса и Степи. Именно геополитическое сочетание Леса и Степи составляет историческую сущность России, предопределяя характер ее культуры, цивилизации, идеологии и политики. Это, конечно, далеко не единственная, но очень существенная посылка его теории.

Гумилев выделяет циклы *этно-культурных образований* (нации, государства, религиозные общины и т.д.) на основе организменной теории, не такой упрощенной, как в геополитике, а структурно-инвариантной: этнокультурные образования подобны живым организмам в том, что проживают периоды (фазы) рождения, юности, зрелости и старения, а потом умирают или превращаются в «реликты», или «химеры» (в истории искусств мы назвали аналогичное реликтовое проявление *феноменом "арт-деко"*).

Обращаясь к причинам этногенеза, Гумилев вводит термин «пассионарность», или «пассионарный толчок». Он определил пассионарность как *эффект биохимической энергии живого вещества, преломленного психикой* или как эффект избытка энергии живого вещества биосферы. В онтогенезе пассионарность – это способность к сверхнапряжению ради иллюзий (идеальных целей), причем знак этих идеальных устремлений значения не имеет.

А пассионарный толчок проявляется как специфическая мутация небольшого числа особей в географическом ареале. Следствием такой мутации является появление в генотипе людей признака пассионарности, формирующего новый стереотип активного исторического поведения. Это вызывает в популяции повышенную абсорбцию биохимической энергии из внешней среды и приводит к появлению новых этнических систем.

Смысл пассионарности в общем-то загадочен: периодически в истории наблюдается *синхронный всплеск биологической и духовной энергии*, который внезапно приводит в движение этнос, захватывая при этом сложившиеся этнические и религиозные группы в динамическом порыве пространственной, духовной и технической *экспансии*. Это приводит к завоеваниям и сплавлению разнородных остаточных этносов в новые, активные и жизнеспособные формы. Этногенез в ряде случаев ведет к возникновению суперэтносов, которые соответствует не столько национально-государственной форме политической организации, сколько империи.

Пассионарность, как вспрыснутое в двигатель топливо, постепенно иссякает – и на смену «пассеизму» (для Гумилева это – позитивная категория, приравниваемая к «героизму», к этическому стремлению, к бескорыстному созиданию во имя верности национальной традиции) приходит «актуализм», т.е. ***озабоченность лишь настоящим моментом*** в отрыве от традиции и без оглядки на судьбу будущих поколений. Именно в данной фазе – а мы вроде как по ряду признаков живем в ней – происходит «пассионарный надлом» – и этногенез входит в отрицательную стадию консервации и начала распада. Далее следует «футуристическая» фаза: в ней доминирует тип бессильных «мечтателей», «фантазеров», «религиозных эскапистов», которые утрачивают веру в окружающее бытие и стремятся уйти в «потустороннее». Гумилев считает это признаком окончательного упадка. Этнос деградирует, суперэтнос распадается на составляющие, империи рушатся.

Такая ситуация продолжается вплоть до нового «пассионарного толчка», когда появляется *новый свежий этнос* и провоцирует новый этногенез, где переплавляются остатки старых конструкций. Причем некоторые этносы все же сохраняются в «реликтовом» состоянии (именно их Гумилев называет *химерическими*), а другие исчезают в котле нового этногенетического процесса. Хорошим примером такой химеры-реликта является Египет времен Клеопатры: в нем вроде все живет и функционирует, но великий Египет уже перестал доминировать в истории, это самая нужная (зерно и золото), но колония Рима.

В контексте геополитики особенно важно утверждение Гумилева по поводу того, что великороссы являются относительно «свежим» и «молодым» этносом, сплотившим вокруг себя «суперэтнос» России-Евразии, или евразийской Империи. Это позволяет сделать далеко идущие выводы политикам евразийской ориентации. Кстати, такие выводы они делали и до Гумилева, основываясь на идеях Ф.М. Достоевского о том, что русские – юная нация.

Из *тайного евразийства* Гумилева можно сделать ряд выводов, которые сам Гумилев не сделал по понятным политическим соображениям, но в его произведениях они были обозначены множество раз. Такая реконструкция неизбежно несет отпечаток уже известных сегодня тезисов «евразийства», тем не менее она достаточно однозначна.

Гумилев расширил положение Макиндера о «географической оси истории» и наделил эту ось конкретным историческим и этническим содержанием. Евразия у Гумилева предстает как полноценное «месторазвитие», где интенсивность этно- и культурогенеза чрезвычайно высока на протяжении всей истории. Мало кто из ученых, особенно в геополитике, доказал свои выводы таким колоссальным по объему историческим материалом, как это сделал Лев Гумилев.

Позиция Гумилева подразумевает отказ от монизма (и, прежде всего, атлантизма, где в центре только Запад, а все остальное – его периферия). Он выдвигает *многофокусную картину* не только этнического, но и социального генезиса, где Север и Восток Евразии являются не менее мощными и альтернативными Западу ядрами (*фокусами*) исторически важных цивилизационных процессов планетарного масштаба. Интересно было бы выстроить этот многоугольник на качественной основе и промоделировать его на протяжении всей истории как геополитическое целое. Если следовать нашей общей гипотезе, то можно сказать: *организмом* являются не страны, а цивилизации и их конгломераты. Значит, здесь необходимо изначально говорить о планетарном *геоорганизме* и его поэтапном становлении. Тогда в самом строении Земли и расположении на ней этих активных фокусов, может быть, удастся обнаружить закономерность (кстати, возможно, что нечто подобное имел в виду в своих записках В. Хлебников).

Идея *полицентризма* впервые зазвучит в западной геополитике у С.Б. Коэна в 70-х годах XX-го века: в «глобальной политической системе» он

определил четыре крупных *силовых узлов*: США, прибрежную Европу, СССР и Китай, и множество мировых *силовых осей*, обеспечивающих глобальное равновесие. Отметим, что по времени это – позже гумилевской «многофокусности развития истории». Но, что интересно, при господствующей биполярности идея региональной многофокусности и там не стала популярной, ее час пришел только сегодня.

Впрочем, я не исключаю, что настоящие знатоки и историки геополитики найдут и других авторов и предшественников идеи многофокусности. Я только хочу обратить внимание, что предлагаемый здесь ход обратный: смотреть следует из будущего (когда сложится Единое Человечество) в историю.

Вернемся к идеям Л.Н. Гумилева. Западная цивилизация (с ее «запахом хвойных лесов», по Бердяеву) несет на себе печать культурной односторонности (доминанта Леса). Имея экстравертную ориентированность и экспансивный характер, эта культура отличается полнейшим непониманием культуры Востока (Степи). В геополитическом масштабе подобная слепота чревата постоянными конфликтами интересов, причем не только в политике, но и в культуре. Здесь хорошо просматривается, как специфика среды переходит в константы менталитета и далее влияет на картину социальных коммуникаций и конфликтов.

Вот почему главным для Евразии, по Л.Н. Гумилеву, является геополитический *синтез Леса и Степи* – он исторически лег в основу рождения великорусской государственности. Лесостепь – ключ к культурно-стратегическому контролю над Азией и Восточной Европой, и лишь такой осознанный контроль позволит достичь баланса Востока и Запада.

Что касается Запада, то Лев Гумилев относит эти цивилизации *к реликтам*. Они достигли последней стадии этногенеза и выродились в конгломерат «химерических» этносов. Здесь его позиция совпадает с общим пафосом О. Шпенглера по поводу «заката» Европы (в оригинале «Закат Западного Мира»).

Из совокупности его взглядов можно сделать вывод о скором перемещении доминирования к молодым этносам и народам. История доказывает, что даже при очень больших усилиях и богатствах и самых хитроумных технологиях сдерживания «реликтовые» этносы не могут навсегда удержаться на месте исторического лидера: они саморазлагаются. Открытый переход доминирования (пассионарности), по мнению некоторых евразийских аналитиков, может произойти в самом скором будущем – и этот ожидаемый «пассионарный удар» полностью изменит политическую и культурную карту планеты.

В порядке критики подобных взглядов можно сказать следующее: они очень напоминают то, как предшествующие политики выдавали желаемое за действительное и применяли геополитику скорее для оправдания того, что уже было ими проделано, – геополитика до сих пор не может отмыться.

У самого Гумилева нет такого прогноза, хотя он был явно не глупее всех современных аналитиков. Приходил ли он к подобным выводам – это надо спросить у его знатоков и исследователей. Не только использование прогноза без достаточных оснований чревато (мы это узнали на себе, потому что на якобы марксовом прогнозе была построена большевистская идеология) – особенно опасно политическое использование научных выкладок, прямо не предназначенных автором для прогнозирования, – предупреждения такого рода у Гумилева встречаются неоднократно.

Нам остается добавить, что вполне возможна и совсем другая гипотеза: пассионарный переход *уже произошел*, и мы за 70 лет пережили самую тяжкую его стадию – стадию становления. Период пробы сил, возможно, окончился – и новый российский суперэтнос входит в стадию активной самоидентификации в масштабах истории и планеты, хотя сейчас, в момент окончания первой фазы, это не слишком заметно.

Россия на пять столетий, по подсчетам Гумилева, моложе Запада. Ей в отличие от него предстоит еще долгая жизнь. Попад в пассионарный цикл, она

находится в плену своего возраста. Этим и обусловлено все, что с ней сейчас происходит: «Мы находимся в конце фазы надлома (если хотите – в климаксе), а это возрастная болезнь», пишет Гумилев.

Можно проследить (в том числе и на примере многочисленных циклов истории) основные этапы будущего, хотя делать это нужно уже с учетом современного состояния мира, кардинально изменившегося и структурно, и геополитически.

Пусть даже в рамках этноплюскости уже изменился или скоро изменится доминирующий субъект, сама эта плоскость не единственная, хотя и чрезвычайно важная в пакете взаимодействующих плоскостей развития, ибо обеспечивает основной пассионарный «энергетизм».

Как писал Гумилев о своем лагерном периоде, «Я не имел многих возможностей, которые есть у научных сотрудников Академии Наук... Так и пришлось стать не научным работником, а ученым».

Этногенез и гипотеза эгрегоров

Критики Гумилева, особенно западные, выделяют два аспекта, с их точки зрения, не слишком обоснованные.

Первый – это «почему?».

Почему биосфера является энергетическим источником? Для системогенетика ответ очевиден: перед нами биохимическая энергия, привносимая в организмы из космоса. И у биосферы есть своя надсистема, которую описал А.Л. Чижевский. И далее следует вся иерархия надсистем, описанная, например, У. Коллинзом.

Второй вопрос – почему биосфера заряжает те или иные этносы? Ответ на него мы дали в работе «Ментосфера», три части которой опубликованы на АТ (Деятельностная антропология // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16521, 21.05.2011, Системогенетика ментосферы // «Академия

Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16449, 25.03.2011, Менталитет и эгрегор // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16213, 11.12.2010), а методология – как серия статей на моем блоге. Этот ответ выражен в гипотезе эгрегоров и особенно – в становлении единого эгрегора человечества. Вот вам и управляющий историей «центр». Вспомним, что пассионарность Гумилев определял как *эффект биохимической энергии живого вещества, преломленного психикой*, а это и есть признак поведенческий – признак эгрегора.

Второй ряд претензий – непонятная неровность в активности биосферы по зарядке этносов. Здесь все еще проще: траектория истории имеет вид конической спирали, поэтому витки ее уменьшаются с определенным шагом. Смотрите по этому поводу второе издание моей работы «Формула истории», также опубликованное на АТ («Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16506, 07.05.2011). Здесь дан многоуровневый и суммарный вариант истории, совпадающий с Гумилевским по датам.

Впрочем, мы в своих стремлениях не одиноки. Приведу пример характерной публикации по данной теме: Банных С. Г. «Этнос и космос в теории этногенеза Л.Н.Гумилева», <http://rushaj02.hut2.ru/Path-Theory/KosmosGU-2.htm> . Как пишет этот автор, «представляется более правильным анализировать Гумилёва не как этнолога, а как философа, причём философа-космиста».

Кроме того, Л.Н. Гумилева западные критики (зачастую с русскими именами) пытаются «поймать» на том, что сами признаки начала и вообще траектории цикла этногенеза не носят у него количественно выраженного характера. Рекомендуем этим критикам по этому поводу посмотреть мою монографию «Экзистенциальная системогенетика», где такая попытка предпринята («Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16416, 06.03.2011) и развивающую ее «Эстетику» («Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.16518, 16.05.2011).

Работы Л.Н. Гумилева

1. Л.Н. Гумилев. Внутренние закономерности этногенеза: (Ландшафт и этнос. XIV) // Вестник ЛГУ. 1973. N 6. Вып.1: серия геология, география. С. 94-103.
2. Л.Н. Гумилев. География этноса в исторический период. Л., «Наука», 1990. 279 с.
3. Л.Н. Гумилев. Гуманитарные и естественнонаучные аспекты исторической географии // Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Изд. Геогр. Об-ва СССР. Л., 1984, 150 с.
4. Л.Н. Гумилев. Древняя Русь и Великая степь. М., Мысль, 1989. 766 с.
5. Л.Н. Гумилев. Меня называют «евразийцем» // Наш современник. 1991. N 1. С.132–141.
6. Л.Н. Гумилев. Напоминание о Вавилоне // Век XX и мир. 1988. N 10. С.24-26.
7. Л.Н. Гумилев. Об антропогенном факторе ландшафтообразования: (Ландшафт и этнос. VII) // Вестник ЛГУ. 1973. N 24. Вып.4: серия геология, география. С.102–112.
8. Л.Н. Гумилев. От Руси до России: Очерки этнической истории. СПб, 1992. 272 с.
9. Л.Н. Гумилев. О термине этнос // Доклады отд. и комиссий Геогр. о-ва СССР. Л., 1967. Вып.3: Этнография. С. 3–17.
10. Л.Н. Гумилев. Сущность этнической целостности: (Ландшафт и этнос. XII) // Вестник ЛГУ. 1971. N 24. Вып.4: серия геология, география. С.97–106.
11. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку, 1990.
12. Гумилев Л.Н. Этногенез в аспекте географии:(Ландшафт и этнос. IX) // Вестник ЛГУ. 1970. N 12. Вып.2:геология, география. С.83–93.
13. а) Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1979. Деп. ВИНТИ. N 1001. Вып. 1.

- б) Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1980. Деп. ВИНТИ. N 3734. Вып. 2.
- в) Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1980. Деп. ВИНТИ. N 3735. Вып. 3.
14. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли // Природа и человек. 1988. N 12. С.56–60.
15. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989. 496 с.
16. Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. N 1. С.46–55. N 2. С. 43–55.
17. Гумилев Л.Н. Этногенез – природный процесс // Природа. 1971. N2. С.80-82.
18. Гумилев Л.Н. Этнология и ее применение // География и современность: Межвуз. сб. Л., изд. Ленингр. ун-та. 1990. Вып.5. С.54–63.
19. Гумилев Л.Н. Этнос как явление // Доклады отд. и комиссий Геогр. о-ва СССР. Л., 1967. Вып. 3: Этнография. С.90–107.
20. Гумилев Л.Н. Этнос – состояние и процесс: (Ландшафт и этнос. XI) // Вестник ЛГУ. 1971. N 12. Вып. 2 . С.86–95.
21. Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этнические процессы, два подхода к изучению // Социологические исследования. 1992. N 1. С. 50–57.
22. Гумилев Л.Н., Иванов К.П. Этносфера и космос // Космическая антропоэкология: техника и методы исследования. М., 1988. С. 211–220.
23. Гумилев Л.Н., Флоренский Л.В. Помни о Вавилоне, или история с географией // Истоки. 1989. Вып. 20. С. 359–372.
24. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. – М.: АСТ, АСТ М.: Хранитель. – 2007 г.
25. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. – М.: Товарищество «Клышников-Комаров и Ко», 1992.
26. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Айрис-пресс, 2008.

27. Гумилев Л.Н. История народа хунну. – М.: АСТ, Люкс, 2004.
28. Гумилев Л.Н. Черная легенда. Друзья и недруги Великой степи. – М.: Айрис-пресс, 2008.
29. Гумилев Л.Н. Древний Тибет. – М.: ДИ-ДИК, 1996.
30. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – М.: ДИ-ДИК, 1996.
31. Гумилев Л.Н. Хунну. Троецарствие в Китае. Хунны в Китае. – М.: Айрис-пресс, 2008.
32. Гумилев Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. 3-е изд., испр., и доп. – М.: Айрис-пресс, 2011.
33. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации – М.: АСТ, 2008.
34. Гумилев Л.Н. История Евразии – М.: ЭКСМО Алгоритм, 2009.
35. Гумилев Л.Н. История как форма движения энергии – М.: АСТ, 2009.